

УДК 821.161.1.0

Лагерная тема в поэзии В.Т. Шаламова и А.В. Жигулина

Ефимова Алла Николаевна

Преподаватель,

Кафедра психологии, педагогики и языковых дисциплин,

Казахстанско-Российский медицинский университет,

050004, Республика Казахстан, Алматы, ул. Назыра Торекулова, 71;

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу лагерной темы в лирике В. Шаламова и А. Жигулина. Поэты доверили стихам то, что невозможно было передать в автобиографической прозе. Образ лирического героя в стихах каждого поэта является художественным двойником автора, а сходство судеб поэтов позволяет говорить о родстве их лирических героев. Поэты достигают максимальной убедительности и исповедальности при передаче своих мыслей и чувств. Мотивы страдания при раскрытии лагерной темы не являются доминирующими. Им сопутствуют пейзажные мотивы, описания тяжелого труда, размышления о выпавших испытаниях, религиозные мотивы. В процессе анализа акцент сделан на сходстве и различиях поэтических мотивов. Лирика поэтов афористична, образна, а поэтическую речь сближают лингвистическая точность и эмоциональная сдержанность. Обоих авторов роднит пребывание на Колыме, нашедшее отражение не только в автобиографической прозе, но и в поэзии. Не всякое стихотворство о пребывании в лагере удостоивается статуса высокой поэзии. Лагерная поэзия Жигулина и Шаламова – это искусство слова.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефимова А.Н. Лагерная тема в поэзии В.Т. Шаламова и А.В. Жигулина // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 434-442.

Ключевые слова

Лагерная тема, Колыма, лирика, лирический герой, мотивы, символы.

Введение

Ю.Н. Тынянов, вводя в статье «Блок» понятие «лирический герой», указывал на его антропоморфный и персонифицированный характер: «Когда говорят о его поэзии, почти

всегда за поэзией невольно подставляют человеческое лицо – и все полюбили лицо, а не искусство» [Тынянов, 1979, 119]. Последующие исследователи указывали на важность изучения образа лирического героя в его соотнесенности с биографией поэта.

И.Б. Роднянская писала о том, что лирического героя можно считать «прототипом» поэта: «Лирический герой – художественный «двойник» автора-поэта, вырастающий из текста лирической композиции <...> как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира, а подчас и чертами пластического облика...» [Роднянская, 1987, 185].

Сила влияния поэзии в неволе

Находясь на Колыме, В.Т. Шаламов (1907-1982) и А.В. Жигулин (1930-2000) ощутили огромную силу влияния поэзии на людей в неволе. Шаламов в письме к О.В. Ивинской, близкому другу и музе Б.Л. Пастернака, пишет: «Колыма заставила меня окончательно и бесповоротно поверить в великую, ни с чем на свете не сравнимую удивительную реальную силу поэзии» [Шаламов, 2004, 581]. «Я помню ледяные камеры лагерных карцеров, выдолбленных в вулканических скалах, где раздетые до белья люди согревались в объятиях друг друга, сплетаясь в грязный клубок около остывшей железной печки, безнадежно упрямо трогая ее острые ребра, уже утратившие тепло, и читали „Лейтенанта Шмидта“...» [там же, 590]. И позднее в своей записной книжке: «Колыма научила меня понимать, что такое стихи для человека» [там же, 275]. Об этом же пишет А. Жигулин в стихотворении «Стихи» (1962): «Когда мне было // Очень-очень трудно, // Стихи читал я // В карцере холодном» [Жигулин, 1989, 213].

Обоих авторов роднит пребывание на Колыме, у обоих есть автобиографическая проза об этом периоде, но одновременно они обратились и к поэзии. Еще до Колымы Жигулин был потрясен поэзией С. Есенина и выучил 30-40 его стихотворений и поэму «Анна Снегина», и это впоследствии сыграло для него важную роль на Колыме. Сначала он часто читал их про себя, что поддерживало его дух, а потом и для других заключенных: «Когда же случайно узналось, что я помню так много стихов Есенина, я стал в бригаде и в бараке человеком важным, нужным и уважаемым. Я стал как бы живым, говорящим сборником Есенина» [там же, 141]. «Как кроткие ангелы, сидели вокруг меня и смотрели в мои глаза и закоренелые преступники, и люди, так и сяк попавшие в Академию, так сказать, обнаженной жизни. Стихи Есенина не надоедали, люди готовы были их слушать по многу раз – как слушают любимые песни» [там же, 142]. По-видимому, поэзия Есенина была отдушиной для людей, напоминанием об их человеческой сущности. Его стихи пробуждали в них светлые чувства, воспоминания, наводили на размышления. Шаламов так написал в записной книжке: «Любовь Есенина к России – русская любовь – жалость» [Шаламов, 2004, 275].

Поэзия в тяжелых условиях Колымы

Оба автора писали стихи на Колыме. Жигулин сочинял, но не записывал и не собирался печатать их после заключения, считая их в художественном отношении слабыми. Но Б. Слуцкий, поэт-фронтовик, ему возразил: «У меня другое мнение: эти стихи зрелые и сильные! И не только как документ они интересны. Они <...> несут в себе тяжкий груз исторической драмы – и лично Вашей, и общей для всей страны...» [Жигулин, 1989, 89] И действительно, многие читатели, особенно колымчане, откликнулись на стихи Жигулина, полюбили их, писали автору письма.

В. Шаламову же было настолько тяжело, что он и думать о чем-либо не мог: «Никогда я не задумался ни одной длительной мыслью. Попытки это сделать причиняли прямо физическую боль» [Шаламов, 2004, 149]. Это объясняет, почему он не мог записывать стихи: «Мне приходилось выбирать – жизнь или стихи и делать выбор (всегда!) в пользу жизни» [там же, 13]. Он начал писать стихи только во время работы фельдшером.

О стихах колымского периода Шаламов пишет, что они рождались в крайне тяжелых условиях: «Где люди, стиснутые льдами, // В осатанелом вое вьюг // Окоченевшими руками // Хватались за Полярный круг. // <...> И где текли мужские слезы, // Мутны, покорны и тихи, // Где из кусков житейской прозы // Сложил я первые стихи» [Шаламов, 2011, 137]. Предназначение поэзии он видит в оживотворяющей жертвенности, дающей силу ближнему: «Поэт – не врач, он только донор, // Живую жертвующий кровь. // И в этом долг его и гонор, // И к человечеству любовь» [там же, 174].

У Жигулина восприятие поэзии как страдания переключается с шаламовским: «Но стихи – работа разве? // Не работа – боль души» [Жигулин, 1980, 33]. «Он всегда был поэтом боли», – пишет о нем Л. Аннинский [там же, 11]. И в то же время от своего страдания он избавляется через стихи: «Идя вперед, // За счастье споря, // Мы были к трудностям глухи. // Всю нашу боль, // Все наше горе // Мы переплавили в стихи» [там же, 98].

Шаламов возненавидел физический труд в лагере, тем более в условиях голода, холода, побоев, запредельных норм выработки. В записной книжке он приходит к такому выводу: «Физический труд не гордость и не слава, а проклятие людей. Нигде не прививается так ненависть к физическому труду, как в трудовом лагере» [Шаламов, 2004, 273]. И в письме к Солженицыну он описывает свое состояние агрессивного неприятия лагерного труда, несмотря на свою терпеливость: «...я ненавидел этот труд всеми порами тела, всеми фибрами души, каждую минуту. В лизанье лагерной палки ничего кроме глубочайшего унижения для человека нет» [там же, 671]. Могильным ужасом веет от следующих строк о работе: «В закрытой выработке, в шахте, // Горю остатками угля. // Здесь смертный дух, здесь смертью пахнет // И задыхается земля» [Шаламов, 2011, 67]. Жигулин в стихотворении «Рельсы» передает и тяготы труда, и атмосферу в лагере, но в то же время у него нет угнетенности, а появляется еще и гордость от того, что он все преодолел.

Благотворное влияние природы

Контраст тяжелой работы и встречи с красотой природы описывает Жигулин в стихотворении «Рассвет в Бутугычаге». Речь идет о работе в ночную смену, когда из глубины горной штольни заключенные вывозили на поверхность вагонетки с грузом и ожидали восход солнца. Эта же тема звучит в известном его стихотворении «Полярные цветы», где описывается, как в условиях вечной мерзлоты заключенные неожиданно увидели поле цветов, что вызвало восторг: «Сползла машина с перевала. // И в падах, // Что всегда пусты, // Нас будто всех околдовало – // Мы вдруг увидели // Цветы!» [Жигулин, 1980, 71]

Литературовед А. Истогина замечает, как поэт ласково и внимательно относится к природе: «Здесь и „огненно-рыжий дубок“, и дрозд-рябинник, и трогательный бурундук „с мерзлой кисточкой брусники“, и „ширококрылый сокол“, и бересклет, и терн, и болиголов, словом, многое множество трав, деревьев, зверушек и птиц, живущих своей милой незатейливой жизнью» [Истогина, 1986, 58]. Л. Аннинский, высказывает мысль о том, что в волчьих условиях Жигулин «не волчует» в ответ, и лейтмотив его лирики – жалость к живому. Однако это вовсе не сентиментальность, так как «классическая сентиментальность вырастает на почве гарантированной безопасности, жигулинский же герой сочувствует живому в ситуации, когда „жизнь всегда на волоске“, когда он сам – на грани» [Жигулин, 1980, 7].

Шаламов был доведен до такого физического и душевного изнеможения, что был не в состоянии воспринимать красоту природы: «Ни разу я в эти годы не восхитился пейзажем – если что-либо запомнилось, то запомнилось позднее» [Шаламов, 2004, 149]. Именно позднее, в период работы в больнице, когда он ездил по лесным командировкам, к нему вернулось чувство восприятия прекрасного, и природа стала его утешением: «В природы грубом красноречье // Я утешение найду. // У ней душа-то человечья // И распахнется на ходу» [Шаламов, 2011, 209]. О неожиданной встрече с цветами у Шаламова есть стихотворение «Букет», созвучное «Полярным цветам» Жигулина.

Образ колымского стланика

Колымский стланик – один из любимых образов, которому Шаламов посвятил рассказ и стихотворение. Образ этого растения символизирует душу Шаламова-художника, которая замерла в тяжелый период, но как только повеяло теплом, т. е. условия стали легче, сразу стала оживать, возобновилась способность замечать красоту природы, и душа потянулась вверх: «Земля еще в замети снежной, // Сияет и лоснится лед, // А стланик зеленый и свежий // Уже из-под снега встает. // И черные, грязные руки // Он к небу протянет – туда, // Где не было горя и муки, // Мертвящего грозного льда» [там же, 328]. У Жигулина тоже есть стихотворение «Колымский стланик». Как к старому другу, свидетелю горестей, лирический герой относится к нему с любовью, вспоминая прошлое при встрече: «Привет

тебе, // Колымский колкий стланик, // Сибирских кедров самый младший брат! // Давно я не был // В этих сопках дальних // И, словно друга, // Видеть тебя рад. // Как ты живешь? // По-прежнему ли четко // Тебе видны отсюда свысока // Отвалы штолен, // Узкая речонка // И ветхая постройка рудника?.. <...> // ...Совсем застыла // В тишине округа. // Недвижны сопки // В розовом дыму... // Густую ветку, // Словно руку друга, // Я прижимаю к сердцу своему» [Жигулин, 1980, 116].

Дружба на Колыме

Для Жигулина очень значима в заключении была дружба: вместе с друзьями они могли противостоять блатарям, делились последним, поддерживали друг друга. В стихотворении «У костра» (1960) лирический герой возглашает об этом: «О Колыма! // Край жестоких выюг! // Здесь легче шагать, // Если рядом друг» [Там же, 102]. В отличие от Жигулина Шаламов считает, что в крайне тяжелых условиях дружба невозможна: «Понял, что дружба, товарищество никогда не зарождается в трудных, по-настоящему трудных – со ставкой жизни – условиях. Дружба зарождается в условиях трудных, но возможных (в больнице, а не в забое)» [Шаламов, 2004, 263]. Но он очень нуждался в теплом человеческом отношении: «Мне надоело любить животных, // Рук человеческих надо мне, // Прикосновений горячих, потных, // Рукопожатий наедине» [Шаламов, 2011, 258].

Отношение к Богу

Что касается отношения к Богу, то в автобиографической повести «Черные камни» Жигулин рассказывает, что его мама (из дворянского рода Раевских) учила его молитвам, а под следствием (период избиений и допросов) он сидел со священником, который очень многое дал ему в утверждении веры в его душе. Постепенно его вера укреплялась, и в дальнейшем эта тема присутствует в его поэзии, например, в стихотворении «Крещение. Солнце играет» (1976).

В воспоминаниях, записных книжках, письмах В. Шаламов противоречив в своих высказываниях о вере в Бога. Л.В. Жаравина в монографии «„У времени на дне“: эстетика и поэтика Варлама Шаламова» объясняет это: «Богословы и философы (еп. Феофан Затворник, И.А. Ильин, М. Элиаде и др.), описывая различные аспекты религиозного опыта, подчеркивают, что личность, развивающаяся по религиозному типу, не только приобретает духовные сокровища, но и теряет их в периоды сомнений, скепсиса, горькой безысходности» [Жаравина, 2010, 14]. Библейские образы и церковные символы пронизывают всю поэзию В. Шаламова. Стихотворение «Аввакум в Пустозерске» он считал одним из главных и так писал о нем в комментариях: «Стихотворение мне особенно дорогое, ибо исторический образ соединен и с пейзажем и с особенностями авторской биографии» [Шаламов, 2011, 450]. Поэтому можно полагать, что слова Аввакума о понимании и принятии Божьего промысла в

своей судьбе соответствуют и думам самого автора: «Но к Богу дорога // Извечно одна: // По дальним острогам // Проходит она. // И вытерпеть Бога // Пронзительный взор // Немногие могут // С Иисусовых пор» [там же, 2011, 214].

Итоги скорбного пути

Обобщая опыт скорбного пути, пройденного Шаламовым и другими заключенными, поэт пишет о том, что они сохранили в себе человеческие качества, не превратились в соглядатаев ради хлеба насущного, не пошли на сделку с совестью: «Мы не гнались в тайге за модами, // Всю жизнь шагая узкой тропкой, // И первородство мы не продали // За чечевичную похлебку. // И вот, пройдя пути голгофские, // Чуть не утратив дара речи, // Вернулись в улицы московские // Ученики или предтечи» [там же, 80].

В поэзии А. Жигулина звучит примирение со всем, что было горестного в его жизни, включая несправедливое наказание: «Магадан, Магадан, Магадан! // Давний символ беды и ненастья. // Может быть, не на горе – // На счастье // Ты однажды судьбою мне дан?..» [Жигулин, 1980, 143]. Литературовед А. Истогина пишет: «Лирика Жигулина доказывает, в частности, что самые обычные слова в естественном порядке звучат полноценно, выразительно и свежо, если за ними – истинное содержание, если за ними – судьба» [Истогина, 1986, 90].

Были люди, которые, освободившись из заключения, чувствовали себя сломленными, некоторые кончали жизнь самоубийством: жизнь казалась им пустой, а их страдания бессмысленными. Но для Шаламова поэзия наполняла и преображала его жизнь, давала силы: «Я жив не единым хлебом, // А утром на холодке // Кусочек сухого неба // Размачиваю в реке...» [Шаламов, 1988, 118]. Е.А. Шкловский пишет об этом: «...поэзия была для Шаламова связью с бесконечным миром. Она помогала ему сохранить веру в его осмысленность и высшую одухотворенность, поддерживала переживанием связи с универсумом, с высшим началом, которое могло быть явлено в самых обычных земных вещах и явлениях» [Шкловский, 1991, 56].

О том, почему поэзия обладает такой силой влияния на людей, размышляет архиепископ Иоанн (Шаховской), пастырь, философ, поэт. «Поэзия есть искание и нахождение высшей жизни, доступной человеку. <...> Поэт «милостью Божьей» имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Таково высшее назначение поэзии, ее смысл *евхаристический*. Поэзия есть возвращение человека к началу вещей» [Иоанн (Шаховской), 1992, 524]. Сравнивая поэзию с молитвой, он видит в ней преодоление земной ограниченности, только молитва – самооткровение души, а поэзия – истончение души. Поэзию он называет помощницей молитвы в доставлении чистого воздуха из горнего мира, иначе люди могут задохнуться в запыленном, удаленном от истины мире.

Как отмечают и современные священнослужители, многие узники пишут стихи для утешения. Дьякон Кирилл Марковский в книге «Епархия особого режима» пишет, что стихи узников трогают душу: «Они выливаются из их сердец, истерзанных страданиями; здесь

нет желания блеснуть талантом и удивить своей оригинальностью предвзятых ценителей поэзии. Искренность, бесстрастность и глубина отличают многие стихотворения. Благодать Божия, безусловно, содействовала авторам. В меру своего таланта они отразили истину в своих маленьких произведениях» [Марковский, 2014, 116].

Заключение

Не всякое стихотворство о пребывании в лагере удостоивается статуса высокой поэзии. Лагерная поэзия Жигулина и Шаламова – это искусство слова. Образ лирического героя в стихах каждого поэта является художественным двойником автора, но сходство судеб поэтов позволяет говорить о родстве их лирических героев. Поэты достигают максимальной убедительности и исповедальности при передаче своих мыслей и чувств. Мотивы страдания при раскрытии лагерной темы не являются доминирующими. Им сопутствуют пейзажные мотивы, описания тяжелого труда, размышления о выпавших испытаниях, религиозные мотивы. Лирика поэтов афористична, образна, а поэтическую речь сближают лингвистическая точность и эмоциональная сдержанность.

Библиография

1. Жаравина Л.В. «У времени на дне»: эстетика и поэтика прозы Варлама Шаламова. М.: Флинта, 2010. 149 с.
2. Жигулин А.В. Жизнь, нечаянная радость. М.: Молодая гвардия, 1980. 287 с.
3. Жигулин А.В. Черные камни. М.: Книжная Палата, 1989. 240 с.
4. Иоанн (Шаховской), архиеп. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 575 с.
5. Истогина А.Я. «Всё, чем живу и дышу...». О творчестве Анатолия Жигулина // Истогина А.Я., Джичоева Е.Г. Два портрета. Очерки творчества Анатолия Жигулина, Михаила Шевченко. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. С. 6-94.
6. Марковский Кирилл, дьякон. Епархия особого режима. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 208 с.
7. Роднянская И.Б. Лирический герой // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
8. Тынянов Ю.Н. Блок // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1979. С. 118-123.
9. Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. 1072 с.
10. Шаламов В.Т. Колымские тетради. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
11. Шаламов В.Т. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1988. 256 с.
12. Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. М.: Знание, 1991. 64 с.

The camp topic in the poetry of V.T. Shalamov and A.V. Zhigulin

Alla N. Efimova

Lecturer,

Department of psychology, pedagogy and language,
Kazakh-Russian Medical University,
050004, 71 Nazyra Torekulova st., Almaty, Kazakhstan;
e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to a comparative analysis of the camp topic in the lyrics of V. Shalamov and A. Zhigulin. The poets entrusted the verses with something that could not be conveyed in autobiographical prose. The image of the lyrical hero in the poems of each poet is a literary duplicate of the author, and the similarity of the destinies of poets makes it possible to talk about the kinship of their lyrical heroes. The poets achieve maximum persuasiveness and confession in the transmission of their thoughts and feelings. The motives for suffering in the disclosure of the camp topic are not dominant. They are accompanied by landscape motifs, descriptions of hard work, reflections on fallen trials, religious motives. In the process of analysis, emphasis is placed on the similarities and differences of poetic motifs. Lyrics of poets is aphoristic, figurative, and linguistic accuracy and emotional restraint brings together poetic speech. Both authors were in Kolyma, which is reflected not only in autobiographical prose, but also in poetry. Not every poem about staying in the camp is awarded the status of high poetry. The camp poetry of Zhigulin and Shalamov is the art of the word.

For citation

Efimova A.N. (2017) Lagernaya tema v poezii V.T. Shalamova i A.V. Zhigulina [The camp topic in the poetry of V.T. Shalamov and A.V. Zhigulin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 434-442.

Keywords

The camp topic, Kolyma, the lyrics, the lyrical hero, motifs, symbols.

References

1. Archbishop John Shahovskoy (1992) *Izbrannoe* [Favourite]. Petrozavodsk: Svyatoi ostrov Publ.
2. Istogina A.Ya. (1986) "Vse, chem zhivu i dyshu...". O tvorchestve Anatoliya Zhigulina ["Everything that I live and breathe ...". About the work of Anatoly Zhigulin]. In: Istogina A.Ya.,

- Dzhichoeva E.G. *Dva portreta. Ocherki tvorchestva Anatoliya Zhigulina, Mikhaila Shevchenko* [Two portraits. Essays on the work of Anatoly Zhigulin, Mikhail Shevchenko]. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo Publ., pp. 6-94.
3. Markovsky Kirill, deacon (2014) *Eparkhiya osobogo rezhima* [Diocese of special regime]. Moscow: Sretensky Monastery.
 4. Rodnyanskaya I.B. (1987) *Liricheskie geroi* [Lyrical hero]. In: *Literaturnyi entsiklopedicheski slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
 5. Shalamov V.T. (1988) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.
 6. Shalamov V.T. (2004) *Novaya kniga: Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* [New book: Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigation cases]. Moscow: Eksmo Publ.
 7. Shalamov V.T. (2011) *Kolymskie tetradi* [Kolyma notebooks]. Moscow: Eksmo Publ.
 8. Shklovskii E.A. (1991) *Varlam Shalamov* [Varlam Shalamov]. Moscow: Znanie Publ.
 9. Tynyanov Yu.N. (1979) *Blok* [Block]. In: Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., pp. 118-123.
 10. Zharavina L.V. (2010) *"U vremeni na dne": estetika i poetika prozy Varlama Shalamova* ["Time at the bottom": aesthetics and poetics of Varlam Shalamov's prose]. Moscow: Flinta Publ.
 11. Zhigulin A.V. (1980) *Zhizn', nechayannaya radost'* [Life, unexpected joy]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
 12. Zhigulin A.V. (1989) *Chernye kamni* [Black stones]. Moscow: Knizhnaya Palata Publ.